

BLIZZARD ENTERTAINMENT

Колдун
Тропою сомнений

Мэтт Бернс

Война началась на восходе, как и всегда.

Бену и еще десять колдунов клана Семи Камней стремительно и бесшумно, словно пантеры, неслись к сердцу Теганзы. Присутствие колдунов выдавало лишь слабое постукивание костяных и железных оберегов, свисавших с их масок. Тела их, покрытые полосами белой, желтой и красной краски были украшены яркими перьями бокаи, которые гармонично вписывались в буйство цветов окружавших их джунглей.

Изумрудный полог джунглей, нависавших над ними, становился все гуще, не пропуская солнечные лучи, и лес вокруг, казалось, погрузился во мрак. Бену наострил уши, прислушиваясь к раздававшимся во тьме звукам в поисках намеков на присутствие добычи... людей.

Настало время для *Игани Баве*, урожая душ.

Эта ритуальная война была для Бену первой, и в предвкушении битвы сердце его гремело подобно барабану. Где-то в чаще окружавшего их леса – возможно, совсем рядом – охотились колдуны племени Пяти Холмов и Туманной Долины, которые, подобно Бену и его родичам из племени Семи Камней, следовали приказу своих верховных жрецов.

Достигнув территории Пяти Холмов, военный отряд Семи Камней остановился на отдых. Два колдуна отделились от остальных и двинулись вглубь джунглей на разведку.

– *Трепещешь* ли ты в ожидании предстоящей битвы? – прошептал старший колдун Унгате на ухо Бену. На его жуткой деревянной маске одиноко торчал рог из слоновой кости, украшенный фиолетовыми перьями.

– Нет, не трепещу, – ответил Бену.

– Покажи мне свою руку.

Бену сделал глубокий вдох, успокаивая нервы, и лишь после этого протянул руку старшему, как ему было сказано. Он обрадовался тому, что рука его была неподвижна.

– *Боишься* ли ты предстоящей битвы? – Унгате придвинулся еще ближе, понизив голос.

– Все боятся. Такова природа этого мира теней. Рука моя недвижима, ибо я знаю истину. И если я отступлю от истины, страх овладеет мной, – ответил молодой колдун.

Унгате слегка сжал плечо Бену в знак одобрения. Тот с облегчением вздохнул. Он не боялся; он волновался. Он мечтал о наступлении этого дня все те годы, что провел в учебе и тренировках. Участие в Игани было величайшей честью. Именно эта древняя церемония столетиями сохраняла веру и жизнь его народа. На закате, после завершения охоты, Бену либо вернется домой с триумфом, либо погибнет, захваченный в плен соперничающим племенем.

И тот, и другой результат был почетным – каждый в своем роде. Если ему удастся захватить воина противника, его ждут похвалы и восхищение. Если же в плен захватят его самого, дух Бену будет освобожден из темницы этого мира и достигнет истинной реальности – Бесформенного мира, *Мбвиру Эйкура*.

Такова была судьба колдуна – хранителя традиций умбару, живого моста между двумя мирами. Так было всегда. И всегда так будет.

– Жить – значит жертвовать, – он поднял голову, почувствовав, как его переполняет гордость.

Унгате завершил древнюю формулу умбару: – Жертвовать – значит жить.

Из джунглей вынырнул разведчик и жестами рассказал об увиденном: колдун из племени Пяти Холмов. Один.

Воины тут же сорвались с места и двинулись через подлесок, сформировав тесный полукруг. Джунгли постепенно редели; наконец, отряд Семи Камней достиг области, которую

называли Холмами туманов. Вскоре они обнаружили того, о ком сообщил разведчик: стоявшего в низко лежавших облаках старого колдуна, чья маска, подобно ему самому, была покрыта бесчисленными шрамами и изрядно побита непогодой.

Унгате опустился на одно колено и, найдя на ремне духовую трубку длиной в локоть, просунул ее в отверстие в своей маске. В воздухе просвистел дротик, вымоченный в яде жаб уапа. Он вонзился в спину старого колдуна раньше, чем тот успел понять, что его обнаружили враги. Яд мгновенно вызвал паралич, и колдун рухнул на колени. Действие яда этим ограничивалось. Целью воинов было лишь ранить противника и взять его в плен. Убить врага на этой стадии Игани означало нарушить табу.

Вражеский колдун, признавая очевидное поражение перед лицом превосходящих сил противника, сдался, согласно традициям.

– Семь Камней... – сказал он. – Вы зашли глубоко в мои земли.

– И нашли достойную награду, – ответил Унгате. – Ты великий Зувадза, так?

– Это так, – старик в знак подтверждения опустил голову.

Бену наблюдал за разговором издали, запоминая действия своих более опытных сородичей. Он назубок выучил правила битвы, и теперь, собственными глазами увидев эти правила в действии, он ощутил, как его захватывает ощущение полноты – некой кульминации всего, что он когда-то изучал и считал правильным.

– Ты более великий воин, чем я, – Унгате сделал шаг вперед и обнял Зувадзу. – Здесь мы – враги, в Мбвиру Эйкура же мы – навеки братья. Я с нетерпением жду встречи с тобой в том мире.

Зувадза поднялся на ноги; действие яда уже заканчивалось. В знак уважения к старику Бену наклонил голову. Он завидовал Зувадзе. Вечером верховные жрецы положат конец его страданиям. Кровь и внутренние органы старика преподнесут духам Бесформенного мира, тем самым не только питая его и подготавливая к приходу в него других умбару, но и

усиливая этот мир – мир теней. От этой жертвы зависели и урожаи, и смена времен года, и даже сами жизни умбару. В глазах Бену старик был героем.

Отряд направился в сторону дома. Зувадза следовал правилам *Те Вок Ну'ча*, Последнего Марша, с честью. Он гордо поднял голову, прекрасно зная, что его ожидает.

Когда Бену и его сородичи уже достигли края джунглей, из тумана раздался голос: «Оставьте его!» Члены отряда в замешательстве начали озираться в поисках говорившего.

– Оставьте его и уйдите. Нет смысла лишать его жизни. Он должен еще многому научить умбару. – Из прижавшихся к земле облаков появился колдун, украшенный, как и все участники Игани, краской и перьями; на его лице, как и полагалось, была маска. По боевой раскраске незнакомца Бену понял, что тот принадлежал к племени Пяти Холмов.

– По закону я принадлежу им, – сказал Зувадза. По его тону нельзя было сказать, что его удивил этот неожиданный поворот событий. – Они действуют так, как их учили.

– Духи не хотят твоей жизни, учитель, – ответил ему соплеменник.

Унгате выставил церемониальный кинжал в сторону противника.

– Ты прерываешь *Те Вок Ну'ча*. Это неправильно.

– Так вам сказали верховные жрецы. Этими войнами командуют они, а не духи. Не стоит так легко расставаться с жизнью в этом мире. В этой жертве... в этом Игани нет необходимости. Это лишь инструмент для управления вами и вашим страхом.

Сородичи Бену неодобрительно зашипели, да и его самого захлестнула ярость. Он никогда не слышал, чтобы кто-то оспаривал священные законы Игани. Очевидно, этот человек был безумен.

– Сгинь! – взревел Унгате.

Молодой колдун Пяти Холмов проигнорировал возглас противника и двинулся навстречу людям Семи Камней, выставив перед собой открытые ладони.

– Я предлагаю всем вам жизнь. Вернитесь в свою деревню. Спросите верховных жрецов, что они видели в Бесформенном мире на самом деле и о чем им поведали духи. Я лишь хочу спасти своего учителя.

Бену, охваченный гневом, выхватил кинжал и бросился на отступника. Тот резко выставил руку вперед, и в его ладони синевато-зеленой вспышкой взорвался заряд энергии.

Направление удара энергетической стрелы было точно рассчитано – она скользнула по плечу Бену, лишь сбив его с ног и на доли секунды ошеломив юношу.

– Отпустите моего учителя. Это все, о чем я прошу! – взмолился колдун Пяти Холмов.

Унгате и остальные воины в едином порыве набросились на него. Когда нарушитель рассек рукой воздух перед собой, выкрикнув смертельное проклятие, запрещенное на Игани, его глаза выражали лишь сожаление и печаль. Воины Семи Камней рухнули на колени, из их ртов хлынула бледно-фиолетовая пена. Спустя несколько секунд сородичи Бену валялись на земле. Все они были мертвы.

– Ты еще молод, – сказал отступник, возвышаясь над ним. – Тебе будет проще понять истину.

Бену потянулся за своим кинжалом, но враг ударом ноги отбросил оружие подальше. Где-то вдалеке, в тумане, раздались крики и возгласы воинов, привлеченных звуками боя.

– Мои сородичи... – промолвил колдун Пяти Холмов. – Если они найдут тебя, ты будешь принесен в жертву.

– Достойная смерть! – воскликнул Бену. Глаза его наполнились слезами при виде развернувшейся перед ним бойни. Да, его сородичей настигла смерть, но она не была почетной. – То, о чем ты не имеешь представления!

– Нет. Ты едва ощутил жизнь. Ты не понимаешь благ, что она несет. *Ты слеп.*

Последние слова противника эхом прозвучали в ушах Бену. Сглаз. Зрение его помутилось, он начал дико размахивать руками, пытаясь сориентироваться.

– Ты подчиняешься приказам верховных жрецов. *Ты подвластен страху.*

Бену охватило новое проклятие. Из недр его души поднялись самые глубинные страхи, наполнив его неудержимым ужасом. Он ощутил, как его тело движется, несется сквозь джунгли, и, несмотря на слепоту, он каким-то образом знал, куда нужно ступить. Всю дорогу в ушах Бену раздавался призрачный голос отступника, осквернившего его первый Игани.

Иди. Беги домой. Ищи там, где не искал. Задавай вопросы, на которые нет ответов. Ищи истину.

– Никому об этом не рассказывай, – приказал Гувате'ка. Старейший из верховных жрецов Семи Камней возвышался над Бену; его украшенный перьями головной убор на добрых три фута возвышался над морщинистым лбом. Он был с ног до головы покрыт белой краской – один из этапов подготовки к ритуальным жертвоприношениям, что должны были вскоре состояться.

– Духи знают, что ты сражался с честью, Бену. Не твоя вина в том, что все так сложилось, – сказал другой верховный жрец. В хижине собралось в общей сложности пятеро старейших вождей клана Семи Камней. Бену обратился к ним сразу после возвращения в деревню, рассказав старейшинам об ужасном событии, которому он стал свидетелем.

Молодой колдун кивнул в знак согласия; в нем, однако, все еще пылала ярость. Он ощущал себя нечистым и размышлял, действительно ли духи поняли, что он и правда пытался остановить отступника изо всех сил.

– Идем, – Гувате'ка повернулся к выходу.

В центре деревни ревел костер. Колдуны, окружив бушующее пламя, раскачивались и притопывали в такт мерному бою барабанов и неумному ритмичному пению наблюдавших за действием жителей деревни. Среди хижин мелькали факелы, подобно раздувшимся светлячкам. Их несли мужчины и женщины, которые подготавливали пустые кувшины к сегодняшнему жертвоприношению; на сосудах виднелись следы засохшей крови.

Бену отметил, кто из колдунов вернулся, а кто – нет. Не считая остальных членов его злополучного отряда, недоставало еще десяти воинов клана. Он представил себе, как в деревнях Пяти Холмов и Туманной Долины их обмазывают ритуальными маслами, готовя к пути в Мбвиру Эйкура, как и пленников, захваченных его кланом.

Когда служители вывели первого пленника к костру, жители деревни затянули песнь уважения и восхищения. Гувате'ка подошел к пленному, сжимая в руке богато украшенный металлический кинжал.

– Мы чествуем тебя! – проревел верховный жрец. – Мы передаем тебя великому племени, в котором все умбару – один народ. И после этого мы будем петь песни в честь твоей жертвы, ибо она велика.

– Когда же и ты прибудешь в Бесформенный мир, я поприветствую тебя, – спокойно ответил пленник.

Гувате'ка размахнулся и тщательно отрепетированным движением рассек шею колдуна. Тот не закричал и не завертелся в агонии. Он умер с честью, как и полагалось. Могла ли боль, переживаемая в этом мире, сравниться с ожидавшей его вечностью?

Верховный жрец запрокинул голову и распростер руки; тело его била крупная дрожь. Вскоре вокруг него сформировалась лазурного цвета аура, от вида которой захватывало дух. Черты его лица охватило сияние.

Бену наблюдал, как старейшина входил в призрачный транс – особое состояние сознания, которое позволяло некоторым из умбару увидеть Мбвиру Эйкура. Молодой колдун хорошо знал этот ритуал. Как и все колдуны, он с рождения был связан с Бесформенным миром. Его

связь с духами была сильнее, чем у большинства колдунов, но все-таки меркла в сравнении со способностями верховных жрецов. В этом другом мире Бену мог увидеть лишь своеобразные отблески, отражения его существа. Вожди же его клана, по слухам, способны были напрямую общаться с духами, получая от них откровения и приказы.

Служители поспешно подбежали к убитому пленнику, чтобы собрать его кровь в глиняные кувшины. Тело его выпотрошили, а внутренние органы удалили и осторожно, даже с любовью, разложили в предназначенные для этого сосуды.

Вскоре после этого Гувате'ка вышел из транса. Он скользнул расфокусированным взглядом по затаившим дыхание жителям деревеньки, как будто еще не приспособился к реалиям физического мира. Бену знал – в Бесформенном мире время текло иначе, чем в этом. Минута транса в мире духов могла быть считанными долями секунды в мире смертных.

– Пленник достиг Мбвиру Эйкура, и он поет песнь благодарения! – возвестил Гувате'ка.

Жители в ликовании захлопали в ладоши; по их лицам катились слезы.

К полуночи освободили последнего из захваченных сегодня пленников. Жители разбрелись по длинным деревянным хижинам, чтобы попить и поговорить о колдунах, чьи жизни были завершены. Обычно празднование затягивалось до утра. Бену задержался у костра; почти все члены его клана уже разошлись.

Его что-то тревожило – некое едва уловимое ощущение. Прошло уже много часов с тех пор, как он столкнулся с учеником Зувадзы, однако голос отступника продолжал звучать в его голове.

Ищи там, где не искал. Задавай вопросы, на которые нет ответов.

Бену сжал кулаки. Его беспокоили вовсе не слова вражеского колдуна, нет – он боялся, что был проклят отступником, несмотря на все заверения верховных жрецов в обратном.

Было и еще кое-что. Он чувствовал, как что-то царапает завесу между мирами, будто подзывая его едва различимым шепотом.

Молодой колдун вышел к краю деревни, подальше от шума разговоров и песнопений пирующих, что доносились из хижин. Для Бену и других подобных ему колдунов вход в призрачный транс после Игани был запрещен. Верховные жрецы говорили, что это сбивает с пути души только что принесенных в жертву пленных. Однако Бену хотелось узнать... нет, ему было *необходимо* знать, как к нему сейчас относятся духи.

Это нужно было сделать быстро.

Он приказал своему духу покинуть плоть. По его щекам покатались теплые белесые слезы. С каждой каплей окружающий мир постепенно исчезал, обнажая бесформенный ландшафт Мбвиру Эйкура. В небе сверкали всполохи энергии; впрочем, эти вспышки никак не освещали колышущуюся землю.

– По-прежнему ли вы благосклонны ко мне? – воззвал он к духам.

Перед ним возникло несколько фигур с ярко-белыми глазами и телами, сотканными из чистой тьмы. Черты их лиц были неразличимы, но Бену, благодаря своему редкому дару, понял, кто стоит перед ним. Это были духи пленников, принесенных в жертву – мужчин и женщин, что, по словам Гувате'ки, с миром вступили в Мбвиру Эйкура.

Вот только выглядели они далеко не безмятежными. Призраки протянули руки к Бену.

Хоть он и не мог расслышать их слов, их смятение копьями пронзило его душу.

Бесформенный мир оказался не тем, каким они его себе представляли. Они корчились от неопределенности и неуверенности. Будто все их представления о мире были разрушены.

Будто все, во что они верили, оказалось ложью.

Бену не посмел задерживаться в мире призраков. Прежде чем молодой колдун покинул Мбвиру Эйкура, он ощутил просочившуюся из глубин Бесформенного мира, подобно туману, мысль. Мысль-предупреждение.

Берегись.

– Жить – значит жертвовать. Жертвовать – значит жить, – прошептал Бену влажному воздуху. Вокруг него двигались раскрашенные тела сородичей. Вновь настало время для Игани Баве, гораздо раньше, чем ожидалось, и жители деревни Семи Камней готовились к войне, которая, как обычно, должна была начаться с рассветом. Как правило, битвы проводились после смены времен года, однако с прошлого Игани прошла лишь неделя.

Бену сидел в центре деревни, спиной к костру, и, наблюдая за плясками своей тени в отсветах пламени, иступленно рвущегося в небо, размышлял о недавних событиях. Гувате'ка и остальные верховные жрецы заявили, что духи, оскорбленные действиями колдуна-отступника из племени Пяти Холмов, потребовали войны. Несмотря на молчание Бену, новости о Зувадзе и его ученике распространялись, как лесной пожар, среди племен, между которыми в мирное время существовали торговые отношения. Слухи исходили из деревни Пяти Холмов; говорили, что отступник хладнокровно убил собственных родичей, когда те наткнулись на него в джунглях. В итоге он сам и его учитель бесследно растворились в лесу, и о них более ничего не было слышно.

За рассказами последовали слухи. Некоторые считали этого колдуна безумцем, говоря, что он убил воинов Семи Камней из жажды крови. Другие рассказывали, что отступник пожирал плоть убитых колдунов, то есть стал каннибалом – *карибом*. Это было немислимым преступлением, ведь те, кто его совершал, лишались возможности перейти в Мбвиру Эйкура. Бену пропустил эти сказки мимо ушей как бессмысленные и необоснованные слухи.

– В этом Игани мы предадим очищению запятнанное! – проревел Гувате'ка со своего места у костра, окруженный остальными верховными жрецами клана. – Мы убедим духов в твердости нашей веры!

Окружавшие Бену сородичи взревели в знак одобрения; юный колдун же хранил молчание. Исчезла гордость, которую он испытывал при мыслях об Игани. Исчезла ясность осознания себя и своего предназначения, которую когда-то давал этот ритуал. Остались лишь сомнения и не отпускавшее его беспокойство, поселившееся где-то внизу желудка. Даже здесь, окруженный сородичами, среди песен своего народа, он не мог избавиться от мыслей о духах, которых видел в призрачном трансе. Воспоминания о них и услышанное им предупреждение преследовали его во сне и наяву.

Было ли все это лишь плодом его воображения – или нет? Его разрывали на части желание верить словам верховных жрецов и стремление подвергнуть эти слова сомнению.

Бену закрыл глаза и покачал головой от отвращения. *«Что за болезнь одолела меня? Духи Мбвиру Эйкура не печалются. Почему именно сейчас, после целой жизни, полной ясности, я сомневаюсь в пути моего народа?»*

Молодой колдун повернулся к огню как раз вовремя, чтобы увидеть, как Гувате'ка входит в призрачный транс; черты его лица были привычно подсвечены лазурным сиянием. Бену встал и присоединился к танцующим вокруг костра, убеждая себя в том, что все, увиденное им, – лишь результат наложенного на него проклятья. Верховные жрецы были непогрешимы. Сила их связи с Мбвиру Эйкура была недоступна пониманию Бену.

Молодой колдун, блестя от пота, отдался песне и танцу. Его опасения испарились. Ритуал вновь разбудил в нем гордость, и его наполнило нетерпение в ожидании славных битв... но продлилось это недолго.

Внезапно он вновь ощутил зов Бесформенного мира и его духов. В зове ощущалось нечто ужасное, некое безумие. Боковым зрением он уловил резкое движение в тенях у костра. К нему тянулись десятки призрачных рук, пытаясь его схватить.

«Духи... явились, чтобы отомстить за всю ложь, которую им когда-то выдавали за истину», – подумал Бену, отпрыгивая назад под властью тревог и страха. Когда он вновь посмотрел на костер, то не увидел ничего необычного.

«Мой разум шутит со мной», – сказал он себе, однако не смог избавиться от беспокойства. Мир навалился на него; тела, краски и перья смешались в удушающем море цвета и звука.

Бену отшатнулся от костра, пытаясь перевести дыхание, и направился прочь от центра деревни мимо пустых хижин. Из темноты вынырнула чья-то холодная рука, ухватив его за плечо. Он обернулся чуть ли не быстрее, чем трупный паук наносит удар, не зная, что его ожидает. Перед ним стояла женщина; тени являли его взгляду лишь ее лицо. Красивая женщина.

– Бену, – сказала она. – Как странно, что ты избегаешь ритуала в эту славную ночь.

– Кто ты? – спросил он, оправившись от испуга.

– Я Адия, жена Гувате'ки.

Бену из уважения опустил глаза. Он был недостоин чести смотреть на жену верховного жреца. Женщины, занимавшие столь высокое положение, редко покидали свои хижины, даже если речь шла о ритуалах.

Адия поднесла ладонь к подбородку Бену и заставила того поднять голову так, что их глаза встретились. – Я разрешаю тебе смотреть на меня. Я пришла, чтобы убедиться в том, что о тебе рассказали духи...

– Что... – начал было Бену, но Адия мягко коснулась его губ пальцами, заставив его замолчать.

– Они говорят, что тебя что-то беспокоит. Какая-то болезнь. И я сама это вижу.

Бену отвернулся, расстроенный тем, что об охватившем его смятении прознал кто-то из родичей.

– Не стыдись. Я твой друг. Верховные жрецы верят в мои целительские способности. Яд, что отравил твой разум, поддается очищению, – сказала она.

– И ты бы исцелила *меня*?

– Да, – заверила она его, и ее голос был полон неопишуемой энергии и нежности. Адия погладила Бену по руке, а затем ухватила его за влажную ладонь.

– Идем.

Бену послушался, уступив уверенности женщины. Когда светящиеся окна и факелы деревни превратились в далекие, недостижимые звезды, Адия остановилась и жестом попросила юного колдуна опуститься на колени на тканый коврик. Перед ним были разложены различные принадлежности: краска для тела, инкрустированный самоцветами кинжал, грозная рогатая маска, украшенная перьями и изображавшая нечеловеческий оскал, а также разнообразные зелья и талисманы.

Адия, похоже, была лишь ненамного старше Бену. Она была весьма привлекательной – сильной, с мягко очерченной линией бедер. Цвет ее загорелого лица был подобен коре дерева бари. Ветер играл с перьями, украшавшими металлические браслеты на ее запястьях и лодыжках.

– Краска, – сказала она, зачерпнув горсть зернистой массы, – из костей самых страшных зверей джунглей. Да придаст она тебе храбрости, когда ты встретишься с врагом.

Адия размазала прохладную смесь по лицу Бену.

– Клинок из когтя, смертоносный, как само чудовище, которому он принадлежал. Аккуратным и точным будет его удар, – женщина повесила оружие на ремень Бену.

Когда Адия неожиданно наклонилась вперед, колдун замер на месте. Ее губы прижались к его губам раньше, чем он успел отвернуться.

– Поцелуй – чтобы показать, что в этом деле мы едины, – сказала она.

– Маска, рожденная из кошмаров наших предков, – продолжила Адия, подняв деревянную личину и надев ее на Бену, – дабы отвести духов, что строят козни и мешают нашей охоте.

Адия пристально посмотрела на него.

– Честь – это нечто большее, чем бесполезная смерть в бою.

Глаз Бену дернулся, когда он понял подтекст в ее словах.

– В Игани не бывает бесполезных смертей.

– Верить ли ты в это, или тебя этому лишь научили? – спросила Адия. – Духи говорят, что ты идешь двумя путями и колеблешься, не в силах выбрать судьбу. С одной стороны – ты навеки дитя Семи Камней и ищешь благодати, которую верховные жрецы не смогут дать тебе никогда. С другой стороны – лесной пожар, непрощающий, яркий, несущий новизну и жизнь этим застывшим на месте джунглям. И завтра ты сделаешь выбор.

Слова ее граничили с ересью, однако Бену не мог не отметить того, что они неким образом отражали овладевшее им внутреннее смятение.

– Какой же путь верен? – спросил он. – Что принесет каждый из них?

– Я не могу дать тебе ответ. Я лишь советую. Но знай: духи беспокойны. Они говорят, что мы, умбару, уже не уникальны, что мы не заслуживаем чествования. Они говорят, что мы лжем самим себе, провозглашая, что наши жертвы несут процветание всему нашему народу. Они говорят... – Адия запнулась. – Нет. Я не должна так говорить. Я не верховный жрец.

– Говори. Я не стану осуждать тебя, – Бену покачивался на пятках, трепеща от восторга.

Адия прошептала, и голос ее был едва различим: – Они говорят, что мы *слепы*.

Пульс Бену участился; перед его мысленным взором промелькнули воспоминания о колдуне-отступнике.

– Верховные жрецы ведут себя так, будто ежедневно общаются с духами, но это не так, – продолжила Адия. – Часто Гувате'ка и другие жрецы видят Бесформенный мир лишь мельком. Законы Игани, что управляют нашей жизнью, верховные жрецы используют для того, чтобы контролировать нас и подавлять нашу истинную сущность.

– Я поклялся защищать наши традиции, – ответил Бену, но голосу его недоставало убежденности.

– Ты увидел в Мбвиру Эйкура, что все вовсе не так, как утверждают наши вожди, верно?

Бену сглотнул, не зная, насколько безопасно было бы рассказать о том, что он видел. – В Бесформенном мире я видел множество разных вещей. Что-то является истиной, а что-то – лишь наши понятия о правде. Такова природа того мира.

Адия, сузив глаза, посмотрела прямо в глаза Бену. Ее рот растянулся в широкой улыбке, и она хлопнула в ладоши. – Да, да. Ты *действительно* что-то видел. Духи рассказали мне правду.

Внезапно до них донеслось эхо голосов, отразившееся от стен хижин. На окраину деревни забрело двое мужчин. Адия резко присела; Бену последовал за ней. Кожу его покалывало от страха при мысли о том, что его могли не только застать с женой верховного жреца, но и услышать его сомнения в словах почитаемых всеми вождей. Разговаривавшие прошли мимо них, не останавливаясь.

– Я знаю цену твоего положения, – сказала Адия. – Я знаю бремя, что ты несешь, колдун, – от гнева ее брови чуть ли не сошлись на переносице. – Это рабство, которое предпочитают так не называть. Я пришла к тебе с надеждой на освобождение, на то, что ты сможешь изменить наши традиции.

Бену коснулся кинжала, висевшего на боку, и маски, скрывавшей его лицо. – Я не понимаю. Почему ты помогаешь мне подготовиться к Игани, если считаешь, что наши древние традиции ошибочны?

– Чтобы увидеть истинный путь, ты должен познакомиться с путем ложным. На восходе ты приступишь к жатве, как тебя и учили, но глаза твои при этом будут открыты. Так предсказывают духи.

Адия отступила и осмотрела результаты своей работы. – Передо мной не просто мужчина, но колдун. Воин Мбвиру Эйкура. Победитель, а не слуга. Никогда не забывай об этом.

Бену поднялся. Разум его был захвачен мыслями о невероятных изменениях, что могли его ожидать. Жажда новых знаний наполнила его энергией. У него была *цель*. И впервые за последние дни он ощущал в себе завершенность.

– Удачной охоты, – сказала Адия.

Спустя несколько часов военные отряды Семи Камней веером двинулись сквозь заросли. Бену вырвался вперед, надеясь, что в одиночестве на него снизойдет ясность ума. С ним была пара тощих бесшерстных гончих. Эти существа, не принадлежавшие миру живых, были созданы древней магией умбару из мертвечины.

После Игани опустошенные оболочки пленников аккуратно сшивались в форме собак, тела их наполнялись травой и сухими листьями. В качестве голов для этих собак использовались прокипяченные черепа диких зверей, которые прикреплялись к телам над веером перьев. С благословения духов эти зомбиподобные существа верно служили колдуну, повинаясь любым его приказам.

Верховные жрецы подарили Бену двух собак перед его первым Игани, однако в тот раз он не стал полагаться на них. Гордость заставила его отправиться на ритуальную войну

вооруженным лишь собственным умом и силой. Сейчас же его беспокоило лишь выживание. Он назвал собак *Чена* (что означало «лихорадка») и *Овазе* (то есть «полет»). Они бесшумно неслись сквозь густой, буйный лес под стук бившихся в унисон призрачных сердец.

Вдруг откуда-то из листвы раздался жуткий пронзительный смех. Чена и Овазе замерли на месте, нервно оглядываясь. Резко затормозив, Бену крутанулся на месте в поисках источника звука. Он схватился за кинжал, что висел на поясе, и, вытаскивая его из ножен, услышал привычный резкий скрип.

Неизвестный захихикал. Мрак джунглей мог быть превосходным укрытием. Внезапно откуда-то сверху, из листвы, на землю упал мешочек размером меньше ладони ребенка. Бену инстинктивно отскочил в сторону; он хорошо знал, что в таком мешочке могли заключаться тысячи проклятий.

Собаки, однако, об этом не подозревали. Ринувшись к свалившемуся с неба предмету, будто к свежей кости, они разорвали злополучный мешочек в клочья, и их окутало облако пыли ядовито-зеленого цвета. Собаки пошатнулись, будто от головокружения. Бену, наблюдая за тем, как они пытаются удержать равновесие, мог лишь гадать, что же с ними произошло.

Неизвестный выкрикнул короткое заклинание: «*Говайя фен! Бо'та!*» Одновременно с возгласом раздался шорох погребушки, наполненной каким-то мелким зерном. И вот тогда Бену понял. Это заклинание в сочетании с мешочком позволяли колдуну управлять сознанием жертвы; в данном случае, однако, мастерство исполнения оставляло желать много лучшего. Проклятие не сработало бы ни на самом Бену, ни на любом другом знающем колдуне... но вот собаки были существами простыми и слабовольными.

– Трус! – крикнул Бену.

Чена и Овазе зарычали, приоткрыв свои костяные пасти. Они набросились Бену, пытаясь вонзить клыки и когти в тело своего хозяина там, где его не защищали церемониальные одежды.

Увернувшись от выпада, колдун схватил болтавшийся у него на поясе череп, обработанный горючими маслами и заряженный магией. Бену швырнул его в собак; врезавшись в одну из них, череп вспыхнул ярким пламенем, окутав своих жертв. Огонь охватил бывших слуг Бену, но натиск их не ослабевал – их неживые тела не чувствовали боли.

Бену уклонился от очередной атаки. Он произнес мелодичное контрпроклятие; у его рта образовались синие искорки энергии, которые он схватил в кулак и метнул в гончих, подобно лоскуткам прозрачной ткани. Увы, это заклинание не сработало. Бену знал: пока он уворачивается от своих собак, враг готовит новую атаку.

Конечно, он мог сдаться и тем самым последовать тысячелетним традициям умбару. Но он не мог понять, как можно было уступить по собственной воле.

«Не стоит так легко расставаться с жизнью в этом мире. В этой жертве... в этом Игани нет необходимости», – сказал тогда отступник. И сейчас его слова уже не казались юному колдуну столь нечестивыми.

Бену сжал кинжал в руках, отчаянно ища выход. Чена и Овазе, завывая, надвигались на него; неизвестный наверху засмеялся, явно довольный собой. Горло Бену сжалось. Грудь его вздымалась, он тяжело дышал. Размахнувшись, он рассек шкуру Чены в тот самый момент, когда Овазе попыталась наскочить на него. Бену чудом избежал этой атаки, упав и покотившись по земле. Гончие кружили вокруг него, готовясь к новому броску.

Внезапно изумрудные заросли за спиной Овазе разошлись, явив взгляду Бену одну из дочерей Семи Камней. В своем платье из перьев она выглядела устрашающе. Из ее деревянной маски торчали четыре искривленных рога, украшенных темно-багровыми перьями. Женщина поднесла ладонь к губам, которые можно было разглядеть за клинообразным вырезом в нижней части маски. Издав протяжный горловой кашель, она извергла из себя рой саранчи, устремившийся в кроны деревьев.

Прятавшийся в листве колдун завизжал, и зачарованные собаки рухнули на землю; тела их все еще полыхали.

Насекомые нашли жертву за считанные секунды, лишив ее маскировки, а заодно и равновесия. Падение. Вскрик, полный боли. Безжизненное тело на покрытой лианами земле. Зубастая саранча, уверенная в своей победе, рассеялась среди деревьев, подобно дыму.

Бену, хоть и был рад спасению своей жизни, не мог избавиться от чувства вины, глядя на труп. Кожа противника, искусанного голодным роем саранчи, вздулась алыми рубцами и нарывами.

– Видишь? Бессмысленно погиб еще один из умбару, – сказала женщина в маске. – Хоть мы и не были созданы для этого мира теней, мы должны стремиться выжить в нем любыми способами.

Бену тут же узнал ее голос.

– Адия?.. – спросил он, потрясенный и объятый ужасом. – Ты не колдун! Почему ты здесь?

– Духи убедили меня последовать за тобой. Хорошо, что я послушалась их, – она подняла голову.

– Правила Игани запрещают убивать колд...

– Правила? – прорычала Адия. – После всего, что ты видел, ты продолжаешь говорить о правилах? Мбвиру Эйкура – не то, что нужно заработать; все умбару попадают туда. Ты это знаешь. Все эти игры устраиваются верховными жрецами. Отступник из деревни Пяти Холмов узрел истину. Почему отвергаешь ее ты?

– Я... – начал было Бену, но не смог привести ни одного подходящего довода – по крайней мере, ни одного, в который бы он действительно верил. Она была права. *Отступник* был прав.

Бену, захваченный потоком эмоций, обнял Адию, открыв свой разум ее словам. И это была не только страсть. Его возбуждал сам процесс нарушения строжайших законов,

установленных верховными жрецами. В свете догоравших останков Чены и Овазе Бену снял с Адии маску и нежно коснулся пальцем ее губ. Поцеловав ее, он отстранился и произнес:

– Чтобы показать, что в этом мы едины.

Внезапно его разума коснулись когти взывавшего к нему Бесформенного мира; Адия понимающе улыбнулась. Она закрыла глаза, как бы приглашая его продолжить, и Бену, забыв о мучившем его беспокойстве, прильнул к ней. Когда же губы их соприкоснулись, он с удивлением услышал дикие крики и вой – на поляну из джунглей выскочил целый отряд людей в масках. Отвлечшись, оба представителя племени Семи Камней напрочь забыли о грозившей им опасности.

Предсмертный вопль врага и огонь, пожиравший верных гончих Бену, привлекли внимание колдунов из племени Туманной Долины.

Колдуны Туманной Долины уводили Бену в наступающие сумерки, и ему с трудом удалось изобразить торжественность, но не более того. Перед ним распростерлась их деревня. Выглядела она, как ему показалось, совершенно так же, как и деревня Семи Камней. Хижины с соломенными крышами теснились вокруг центральной площадки, на которой ревел костер. Поблизости были расставлены жаждавшие новых жертвоприношений кувшины со следами крови.

Бену не праздновал *Те Вок Ну'ча* – жажда жизни Адии глубоко проникла в его душу. Даже сейчас ее тоскующий взгляд призывал его отвергнуть традиции и напасть на пленивших его людей. Но совершить подобное было немыслимо – это было бы нарушением всех запретов.

Добыча племени Туманной Долины в этот раз была скудной: Бену, Адия и старый колдун, которого звали Эдваси. Когда отряд приблизился к костру, навстречу прибывшим вышли служители; остальные же жители деревни, следуя ритуалу, били в барабаны, пели и танцевали.

Троих пленников, лишенных масок и оружия, уложили на низкие столы в хижине с травяными стенами и обмазали цитрусовыми маслами. Затем их тела покрыли особым составом, что защитит их от разложения на последующие несколько часов. Седовласый Эдваси, лежавший в дальнем конце комнаты, глубоко дышал, стараясь успокоиться и побороть волнение.

На соседнем с Бену столе лежала, протянув к нему руку, Адия; в ее взгляде читалась беспомощность. Ему стало дурно.

Завершив свою работу, служители вышли, открыв дверь хижины перед крупным мускулистым мужчиной, который был вооружен серпом, сделанным из челюстной кости. Бену не знал его имени, но впечатляющий головной убор мужчины указывал на то, что перед колдуном стоял старший из верховных жрецов. За его спиной можно было увидеть других представителей касты жрецов; их одежды были украшены яркими перьями, а в руках они сжимали кукол вуду.

Главный жрец вздернул подбородок и отступил назад, прочь от хижины. Двое мужчин в юбках вошли в комнату и схватили Эдваси за запястья. Старый колдун и не пытался сопротивляться конвоирам; его вывели наружу и подвели к верховному жрецу. Эдваси принял свою судьбу.

Бену наблюдал за церемонией сквозь открытый дверной проем так, будто видел ее впервые. Участники ритуала повторили все те же хорошо знакомые ему по прошлым Игани действия. Произнесены традиционные слова. Пролита кровь Эдваси. Служители разложили его внутренние органы по кувшинам, пока жители деревни продолжали свои песнопения. Ритуал во всем его блеске и великолепии выглядел так же, как и всегда. Но юному колдуну он теперь казался лишенным смысла.

– Мы, умбару, скрываем нашу страсть к бессмысленному насилию за возбуждающими песнями, – сплонула Адия.

Дух Эдваси, должно быть, уже покинул этот мир, – подумал Бену. Он вдруг вспомнил растерянных призраков, что видел в Мбвиру Эйкура – призраков, осознавших, что все на самом деле было не так, как им говорили и как они верили.

– Оборванная жизнь. Зачем? С какой целью? – прошипела Адия. – Нам не нужно следовать тем же путем. Есть и другой выход.

Сердце Бену учащенно забилося; мысли бешено кружились в его голове.

– Их много, нас – лишь двое. Какой же ты видишь путь?

– Мы добровольно предлагаем духам плоть умбару, но самим нам есть ее запрещено. Ты никогда не задумывался, почему это так?

Бену передернуло при мысли об этом.

– *Карибы* прокляты духами!

– Еще одна выдумка верховных жрецов, – Адия отмахнулась от его слов. – Я слышала, как мой муж говорил о тайнах древних. Он упоминал легенды, в которых говорилось, что съев плоть колдуна, ты открываешь себе запретный путь к божественному величию. Чтобы истина эта никогда и никому не открылась, они спрятали ее за своей ложью. Но ты – мудрый воин и способен воспользоваться этой мощью. Сила эта поможет тебе привести наш народ к величию. Никто не сможет остановить тебя.

Бену уставился на Адию; глаза ее были полны искренности и силы.

– Когда вернутся наши убийцы, брось им вызов, – прошептала Адия. – Следуй за мной, и для умбару начнется новая эра – эра просвещения и прозрения, а не тьмы.

Как и ожидалось, мужчины, одетые в юбки, вернулись; их тела и руки были вымазаны в крови. Они потянулись к запястьям Адии, но их встретила ее звериная ярость.

Женщина взвилась со стола и, бросившись на одного из служителей, ухватила его за голову и вывернула ее, воспользовавшись инерцией прыжка. Прозвучал тихий щелчок – ее атака достигла желаемого. Прежде чем второй служитель успел отреагировать на происходящее, она ухватила его за голову и резко дернула ее вниз. Ее колено врезалось в нос противника, и он кулем рухнул на пол.

Бену не мог поверить в то, что произошло у него на глазах, равно как и не мог осознать скорость и точность, с которыми были совершены эти два убийства. Никогда прежде он не видел и не слышал ни о чем подобном. Ухватив Бену за руку, Адия потащила ошеломленного колдуна за собой; они буквально вылетели из хижины.

Жители деревни были возмущены. Адия миновала старшего верховного жреца (который, хоть и был вооружен, выглядел совершенно растерянным) и ринулась к кувшинам, в которые были сложены внутренности Эдваси. Одну за другой она срывала крышки с сосудов, а толпа недоумевающих зрителей, проклиная ее, постепенно откатывалась все дальше от костра.

– Видишь, как они жалки и как зависят от соблюдения правил? – спросила она. – Умбару порочны. Мы убиваем и умираем во имя не чести, но страха.

В синем глиняном сосуде Адия, наконец, обнаружила то, что искала: еще теплое сердце Эдваси. Схватив его и поднеся к лицу, она продолжила:

– Мы сильнее, чем те несправедливости, что нам пришлось испытать.

Она надкусила нежное мясо, будто зрелый фрукт, и из сердца брызнула кровь, словно оно еще билось и жило. Жители деревни Туманной Долины в ужасе завопили – никогда ранее они не были свидетелями подобного кошунства.

Адия набрала полный рот мяса и проглотила его, тем самым еще больше ошеломив зрителей, и улыбнулась, упиваясь их волнением. Ее сотрясла дрожь, а затем без какого-либо предупреждения из ее тела вырвался фиолетовый свет, осветивший серое небо и простенькие строения поблизости. Зрители, стоявшие к ней ближе всего, в страхе

разбежались, забыв о том чувстве защищенности, что они испытывали еще несколько минут назад.

Адия сердито посмотрела на убегающее племя и завопила, заставив верховного жреца бросить свой серп и также обратиться в бегство. Довольная тем, что ее оставили наедине с Бену, она двинулась к своему будущему любовнику, замершему на месте. Внешне женщина никак не изменилась, однако теперь она буквально лучилась мощью.

– Присоединись ко мне, – сказала она; голос ее, казалось, чем-то усиливался, и его эхо раскатывалось по деревне. – Убей в себе раба!

Она протянула Бену надкушенное сердце, лежавшее на ее сияющей лиловым светом ладони. Он понял: это было то самое мгновение, о котором говорила Адия.

Со всех сторон раздавались крики жителей деревни; ошеломление, что они испытали, постепенно проходило. Бену знал: еще немного – и они бросятся в атаку. Многие из них были вооружены кинжалами и копьями.

Он колебался. Адия предлагала ему новую жизнь, свободную ото лжи, бессмысленных войн и бремени обычаев. Он вспомнил все, что видел и ощущал: измученных духов в Бесформенном мире, предупреждение, мольбы, что исходили откуда-то из Мбвиру Эйкура, колдуна-отступника, бросившего вызов обычаям...

Но тот колдун не был *карибом*, и он не желал вступать в бой. В тот раз именно Бену атаковал первым, сделав кровопролитие неизбежным. Отступник нарушил табу, чтобы спасти своего учителя, спасти чью-то жизнь, а не для того, чтобы стать богом среди людей.

Настойчивый зов Бесформенного мира вновь настиг его, и был он в тысячу крат громче, чем раньше, – Бену чуть не рухнул на колени.

– Ты сможешь дать Теганзе перерождение! – взревела Адия. – Жизни больше не будут бессмысленно обрываться. Сердца наших людей не будут отравлены ложью!

Бену, изучая лица жителей деревни Туманной Долины, ощутил, как его наполняет ощущение бесконечной ясности. Эти люди следовали неверному пути – это было очевидно – но они не были его врагами. Он не хотел сражаться с ними – путь битвы не вывел бы его на истинный путь. Он хотел лишь дать им знание, научить их найти верный путь.

– Я не могу, – сказал Бену.

Адия раздавила сердце в кулаке.

– Мерзость! – завопила она. – Трус!

Бену, пытавшийся подняться на ноги, уже не мог сопротивляться зову духов – голова его кружилась, зрение помутилось. Смерть была уже на пороге, и предки требовали его внимания. «*Это знак*», – подумал он.

Дрожа от сосредоточения и скрипя зубами, Бену заставил себя войти в призрачный транс. Из глаз оглушенного воина покатались молочно-лазурные слезы. С каждой слезинкой мир теней отступал, открывая его взору неземной ландшафт Бесформенного мира. Сердце его гремело. Взгляд Бену поначалу никак не мог ни за что зацепиться; но затем в мягком свете он увидел тысячи ярко-белых глаз, принадлежащих человекоподобным существам. Тела их были сотканы из непроницаемой тьмы.

В центре этого собрания духов ему явилась одинокая фигура. Призрак поманил Бену к себе. В его уме возникла мысль... впечатление.

– *Подойди.*

Бену пробрала дрожь, но он шагнул навстречу духу.

– *Ты Бену. Я знаю это.*

Бену оставался неподвижным. Духи никогда прежде не *разговаривали* с ним; никогда прежде он не общался с ними с такой ясностью.

– Ты далеко ушел от истины. Правда же такова: Бесформенный мир совсем не такой, каким его описывают верховные жрецы. Тот, кого ты называешь отступником, знал это. И поэтому он нарушил закон.

Образы кружились и вспыхивали перед Бену, подобно дыму и молниям. Он увидел отступника из племени Пяти Холмов; тот брел через неизвестные юному колдуну земли. Ночное небо прорезала падающая звезда, и Бену последовал за ней туда, где она врезалась в землю – в маленький городок, окруженный злом.

– Если он знал, то почему ушел? Почему он не научил истине своих сородичей?

– Каждый умбару следует своим путем. Одинаковых путей не существует. Он учит умбару одним способом, ты же будешь учить другим. Ты, Бену, существуешь между миром теней и Бесформенным миром так, будто ты родился на границе между ними. Именно эта связь станет твоей величайшей силой.

– Чему я должен учить мой народ?

– Жизнь в мире теней имеет свою цену. Ей нельзя пренебрегать. Войны умбару не несут Бесформенному миру благополучие. Мбвиру Эйкура – вечная земля, это так. Но здесь есть и радости, и печали, как и в вашем мире. Это – та истина, которой ты будешь учить.

– Я узнал об этом, когда увидел духов тех, кто был принесен в жертву во время Игани, – ответил Бену.

– Ты видел. Ты не поверил.

Бену молчал. Слова эти были резкими, но правдивыми.

– Есть и другая истина, – призрак указал через плечо Бену. Завеса между мирами разошлась, и колдун увидел замершую на месте Адию в ее преображенной форме.

– Это Адия, – сказал Бену, – жена старейшего из верховных жрецов нашего племени. Она кариб, и, значит, бог.

– *Она не бог, –* Круглые глаза духа, пусть внешне и неизменные, выражали неодобрение. –
Она демон.

С этими словами тело Адии, казалось, расплавилось и, нарушая законы реальности, явило взору Бену совершенно другое существо. Обнаженный торс Адии зиждился на бесчисленных щупальцах, каждое из которых было покрыто сотнями источавших желчь ртов. Из головы, покрытой крысиными волосами, торчало три рога. Вместо челюсти в нижней части головы зияла бездонная дыра, из которой в предвкушении еды капала слюна.

– *Демон...* – содрогнулся Бену. Он слышал о них – о древнем зле, порожденном тысячелетиями и не поддающемся пониманию, но никогда ранее не встречал.

– *Демон почувствовал твои сомнения и пришел в наши священные джунгли.*

– Зачем он преследует меня?

Дух поднял руку, вызвав к жизни новую череду образов. Бену увидел себя поедающим сердце. Несмотря на заявления Адии, это вовсе не наделило его божественной мощью. Ничего не произошло. Призрачное видение вновь изменилось. Бену изгнали из деревни Семи Камней, и он – *кариб* – в одиночестве бродил по Теганзе, снедаемый печалью и муками совести. И все это время за ним следовала Адия.

– *Демон заставил бы тебя съесть сердце и забыть о том, кто ты есть. Лишь позже ты осознал бы всю глубину совершенной ошибки. И демон годами бы терзал твою измученную душу, как он уже истерзал тысячи прочих. Однако ты, искушаемый демоном, отказался последовать его приказу. Почему?*

– Мы, умбару, не слабы и не исполнены страха, как говорил демон. Мы следуем обычаям из гордости и ради чести. Сражаться с теми, кто следует обычаям, бессмысленно. Я должен научить их.

На этот раз мысли исходили от всех присутствующих духов, будто они хором обратились к Бену:

– Именно так. Ты был слеп. Ты прозрел. Перед нами стоит учитель. Духовный наставник. Целитель. Воин, защищающий жизнь и понимающий необходимость смерти. Перед нами стоит колдун.

– Но что делать с демоном? – спросил Бену. Ему ответил дух, стоявший в центре.

– Это ты привел его сюда. И ты должен его изгнать. Это будет непросто, но помни: духи с тобой для того, чтобы направлять тебя. Мы навечно связаны с тобой Бесформенным миром.

Бену наклонил голову. – Я благодарю вас...

Бесформенный мир исчез в ослепляющей вспышке света без какого-либо предупреждения. Бену открыл глаза, будто пробуждаясь ото сна.

Он слышал, как приближается Адия – скользящий звук, подобный тому, что издают извивающиеся в грязи змеи. Краем глаза он мог видеть ее истинную форму, что явилась ему в Бесформенном мире.

Он отпрыгнул назад, уклоняясь от нанесенного по низкой дуге удара одного из щупалец. Придачок монстра просвистел в воздухе и рассек тела двух умбару, оказавшихся поблизости. Жители деревни бросились врассыпную. Демон взвыл, волны энергии рябью пробежали по его телу и выстрелили в воздух.

Этот залп сбил Бену с ног и швырнул его на выступающий из земли камень. Голова его закружилась от удара, и он покатился по земле. Несколько жителей деревни попытались организовать оборону; они обстреливали демона дротиками и кололи его церемониальными кинжалами. Адия в своем новом облике с легкостью отбивала эти атаки.

Жителей деревни Туманной Долины ждала смерть. Его самого ждала смерть.

Демон уничтожил линию обороны умбару. С его тела фиолетовым каскадом лилась энергия, сравнивая хижину с землей и подбрасывая людей в воздух, словно кукол вуду. Щупальца Адии обвивались вокруг шей, ног, торсов. Брызжущие желчью рты пожирали плоть и кости.

Колдун шагнул к монстру, по пути подобрал с земли первое попавшееся копье, а также брошенный верховным жрецом серп. – Демон! – проревел Бену. – Покинь это место! Он швырнул копье – оно полетело слишком высоко, но все же зацепило плечо Адии. Этого, впрочем, хватило, чтобы обратить внимание демона на молодого колдуна.

Адия отшвырнула безжизненные тела, болтавшиеся в ее щупальцах, и обернулась к Бену. Защитники племени Туманной Долины осторожно выглядывали из-за хижин, за которыми они укрывались от демона. Как Бену и рассчитывал, они медленно отступали, один за другим исчезая в безопасных джунглях.

Бену провел лезвием по открытой ладони, а затем сжал пальцы в кулак, выдавливая кровь из раны. – Я Бену из клана Семи Камней. Во мне течет сила моего народа!

– Твой *народ* оставил тебя, – эхом раскатился по деревне потусторонний хохот демона. – Ты одинок.

– Я навеки связан с Бесформенным миром. Я живой мост, что ведет в Мбвиру Эйкура! Бок о бок со мной стоят духи иного мира. Они направляют меня, даруя свою мудрость. И иногда...

Колдун раскрыл ладонь и метнул собравшуюся в ней кровь в демона. Рты Адии покрылись пенящейся слюной, почувствовав запах еды.

– *Они даруют мне свою силу!*

Вокруг Адии образовалось озеро бледно-зеленой энергии. В доли секунды из завесы, разделявшей миры, протянулись сотни призрачных рук. Они начали хватать и рвать тело демона, срывая с него плоть.

Раньше чем они успели разорвать Адию на части, тело демона взорвалось вспышкой магии, превратив руки духов в клочки нефритово-зеленого дыма. Вокруг шеи Бену обвилось щупальце и стало притягивать его, пока лицо колдуна не оказалось в считанных дюймах от пульсирующего отверстия на голове, служившего демону ртом. Колдуна обдало гнилостным дыханием.

Пасти на щупальцах начали вгрызаться в шею Бену, и тот задержался в попытках отбиться. Рты глубоко въедались в плоть, пожирая все, что попадалось им на пути. От боли руки колдуна онемели, и он почувствовал, как серп медленно выскальзывает у него из пальцев. Собравшись с последними силами, он сжал оружие в руке, а затем сильно пнул демона в грудь. Монстр на секунду отшатнулся, и этой секунды для молодого умбару оказалось достаточно.

Бену вонзил лезвие в висок своего противника, вогнав его глубоко в голову. В глазах монстра промелькнуло удивление, и тело его сотряслось, подобно дереву бари на сильном ветру. Щупальца демона молотили воздух; то из них, что держало Бену, выпустило его, отшвырнув в сторону.

То, что называло себя Адией, пожухло и безжизненно рухнуло на землю.

Бену лежал на спине, из шеи его струилась кровь. Ему показалось, что время замедлилось. Деревья на краю деревни покачивали кронами под дуновением легкого ветерка. Из чащи доносились крики птиц и зверей. Солнце исчезло за горизонтом, завершив тем самым очередной Игани.

Смерть накрыла его немногим позже. Поначалу он боролся с ней, смущенный тем, что судьба привела его сюда – к смерти. Он боялся, что его новообретенные знания так и не будут переданы сородичам. И тогда, перед самым последним ударом своего сердца, он вспомнил слова духов...

«Ты, Бену, существуешь между миром теней и Бесформенным миром так, будто ты родился на границе между ними. Именно эта связь станет твоей величайшей силой.»

...и обрел покой.

Колдуны Семи Камней расселись вокруг костра, готовясь войти в призрачный транс. С последнего Игани не прошло и недели. Все они уже слышали рассказы о Бену и о его битве с демоном. Если эти рассказы соответствовали истине, то получалось, что Бену пожертвовал собой, чтобы спасти племя Туманной Долины.

Но за рассказами последовали и слухи. Таков уж порядок вещей. В Туманной Долине поговаривали, что Бену нарушил законы Игани и что он стал *карибом*.

Верховные жрецы Семи Камней много говорили о том, что духи разгневались из-за этих событий. Хоть они и считали Бену героем, было решено, что присутствие демона запятнало ритуальную войну.

И поэтому был объявлен новый Игани Баве.

Колдуны Семи Камней вошли в призрачный транс, чтобы снискать благословение духов. Когда они переместились в иной мир, время привычно замедлилось. Деревня исчезла из виду, и все пространство заполнили переплетения энергий Бесформенного мира.

Обычно воины видели и слышали разных духов, если вообще видели или слышали хоть что-нибудь. В этот же раз всем колдунам явилась одинаковая абсолютно черная фигура. В их разумах мысли духа сформировались в слова – прозрачные, как кристалл, и острые, как лезвие кинжала.

– *Вы слепы.*

Колдуны не знали, как расценивать обвинение, прозвучавшее со стороны духа. Они принесли извинения и попросили прощения. Многие из них вышли из трансa в страхе, что каким-то образом разгневали духов.

Эти воины еще не были готовы. Другие же – были.

– Ты хочешь, чтобы мы что-то увидели. Что? – спросили оставшиеся колдуны у духа.

– *Истину. Вы можете погибнуть в этом Игани. Зачем?*

– Дабы вознести почести тебе и твоему роду, – ответил один из них.

– Так приказали верховные жрецы. Таков мой долг – долг колдуна, – сказал другой.

– Жить – значит жертвовать. Жертвовать – значит жить, – произнес самый молодой из них.

Дух приблизился к нему, обдумывая эти слова. Когда-то, в другом мире, он носил эти слова, будто броню, и вооружался ими, словно клинком. Но жизни не должны были отдаваться так просто, без необходимости.

– *Я не хочу твоей жертвы. Эта земля в ней не нуждается.*

Юным колдуном овладело смятение и беспокойство. Некоторое время он колебался. – Но чего тогда ты просишь от меня? Что еще существует, кроме жертвы?

– *Жизнь.*

В итоге в трансе остался лишь этот молодой воин, но дух, когда-то называвший себя Бену, не испытывал к бежавшим колдунам неприязни. Пусть это займет дни, недели или даже годы – он даст им просветление. Все умбару следовало к истине; каждый – своим собственным путем. Одинаковых путей не существовало.